

ЗАБЫТЫЙ ПЕРЕВОД «КАЛЕВАЛЫ»

Всемирно известный эпос «Калевала» записал, сюжетно компоновал и отредактировал Э. Лённрот. В полном виде «Калевалу» перевел Л. П. Бельский, и впервые его перевод был опубликован в журнале «Пантеон литературы» в 1888 году.

С тех пор этот перевод, заслуженно отмеченный в 1889 году Пушкинской премией, неоднократно переиздавался в нашей стране. Сегодня немногие знают о том, что имеется еще один хороший перевод карело-финского народного эпоса, выполненный также по изданию полного свода «Калевалы» 1849 года и предназначенный для молодежи. Автор его — Э. Гранстрем.

Имя это сегодня мало кому известно. Но библиотеки, обладающие его переводом («Калевала», Финская народная эпопея, 1898, 1910), наверняка благодарны Гранстрему за то удовольствие, которое они получают от чтения текста, исполненного подлинной поэзии. Приходится только сожалеть, что этот перевод ни разу не переиздавался в советское время. Не нашел он отражения и в работах исследователей «Калевалы». Так, в своей книге «Калевала в России» (Петрозаводск, 1972) литературовед А. Хурмеваара уделяет внимание даже отдельным переводам рун, не представляющим поэтической ценности, но почему-то не анализирует стихотворный перевод Э. Гранстрема. Правда, исследовательница обращается к его имени, но только по поводу изданного Гранстремом в 1881 году прозаического переложения «Калевалы». Справедливо критикуя пересказ Гранстрема за канцеляризмы и за недостаточное «чувство меры», А. Хурмеваара не увидела в этом пересказе поэтически выписанных эпизодов, ставших своего рода мостами к будущему стихотворному переводу. Здесь, кстати,

могла возникнуть интересная проблема взаимовлияния Гранстрема на Бельского, а позднее — Бельского на Гранстрема. Самое удивительное в том, что исследовательница ни словом не обмолвилась о стихотворном переводе Гранстрема, хотя в ее примечаниях есть ссылка на данный перевод.

Перевод Гранстрема назван в предисловии «вольным». Вольность его заключается в некоторых сокращениях строф и строк внутри отдельных рун, однако Гранстрем перевел все пятьдесят рун «Калевалы», и его перевод в целом близок к оригиналу, передает поэтические особенности и дух народной поэмы. Во многих местах Гранстрему удается компенсировать аллитерациями русского стиха калевальский тип аллитераций: «Утром выпал снег обильный; замелькал он в легких хлопьях, точно шерсть овечки зимней, пеленой покрыл поляны». Одновременно удалась переводчику и героико-эпические, и лирические рунны. Вот как воссоздан эпизод, в котором один из героев «Калевалы», кузнец Илмаринен, взялся за весла:

«...и помчался челн сосновый, путь короче становился. Он сильнее налег на весла, и раздался визг уключин, стан от весел, скрип скамеек, и запел челнок, как лебедь, крикнула корма, как ворон».

Перевод Э. Гранстрема, предназначенный для юношества, заслуживает того, чтобы ему снова открыли дорогу к широкому читателю. Предлагаю вниманию читателей «Литературной России» одну из рун «Калевалы» в переводе Э. Гранстрема.

А. МИШИН,

кандидат филологических наук

ПЕТРОЗАВОДСК

ИЗ РУНЫ ДЕСЯТОЙ

Вот сама хозяйка Лоухи
кузнеца в избу проводит,
кормит гостя, угощает
и слова такие молвит:

— О кузнец ты, Илмаринен,
вековечный ты кователь,
можешь ли сковать нам Сампо
с пестрой кованою крышкой
из конца пера лебедки,
капли молока коровы,
из шерстиночки овечьей,
из ячменных зерен чистых?
Коль ты выкуешь нам Сампо,
дочь тебе отдам в награду.

Отвечает Илмаринен,
говорит слова такие:

— Что ж, сковать могу я Сампо
с пестрой кованою крышкой
из конца пера лебедки,
капли молока коровы,
из шерстиночки овечьей,
из ячменных зерен чистых.

Я сковал ведь свод небесный,
крышку воздуха я сделал,
так что нет следа работы
и следов клещей не видно.
Вот идет ковать он Сампо,
крышку пеструю чеканит;
но во всей во Сариоле
нет ни кузницы пригодной,
ни мехов, ни наковальни.

И промолвил Илмаринен:

— Растеряться могут бабы,
не кончают дел лентяи,
но не муж, хоть не из лучших,
не герой, хоть не из первых.
Ищет для горнила места,
ищет день и два он ищет,
наконец уже на третий
увидал утес пригодный.
Там кузнец и выбрал место,
чтобы кузницу построить,
там свои мехи он ставит,
наковальню и горнило.

Вот взялся уже за дело
вековечный тот кователь,
все припасы бросил в пламя
и к мехам он слуг приставил.
Раздувают пламя слуги
день и ночь без перерыва;
наросли у них на пальцах
и на пятках даже камни.
Вот на первый день нагнулся
над горнилом Илмаринен,
видит — лук в огне явился,
лук блестящий, золотистый,

серебром концы сверкали,
рукоятка — пестрой медью.

То был с виду лук прекрасный,
но имел он злое свойство:
каждый день он брал по жертве,
в праздники же брал он по две.

Сам кователь Илмаринен
был не рад такому луку,
на куски тот лук ломает
и бросает снова в пламя;
поддувать велит он слугам,
раздувать мехи сильнее.

На другой день вновь нагнулся
над горнилом Илмаринен,
видит — там уж лодка вышла,
судно темное явилось:

златом борт весь разукрашен,
а уключины из меди.

Было судно то прекрасно,
но имело злое свойство:
самовольно шло в сражение,
мчалось без нужды на битву.

Сам кователь Илмаринен
был не рад такому судну;
разломал он судно в щепки
и бросает щепки в пламя;
поддувать велит он слугам,
раздувать мехи сильнее.

Вот на третий день нагнулся
над горнилом Илмаринен,
видит — вышла там корова:
у нее рога златые,

среди лба блестит созвездье,
между рог круг солнца виден.

Хороша корова с виду,
но у ней дурное свойство:
спит она всегда среди леса,
молоко все лет на землю.
Сам кователь Илмаринен
был не рад такой корове;
на куски ее разрезал
и куски бросает в пламя;
поддувать велит он слугам,
раздувать мехи сильнее.

На четвертый день нагнулся
над горнилом Илмаринен,
видит — плуг из злата вышел:
стержень плуга весь из меди,
серебром сверкает ручка.

То был с виду плуг прекрасный,
но имел дурное свойство:
он пахал поля чужие,
бороздил чужой он выгон.
Но кователь Илмаринен
сам не рад такому плугу;

на куски он плуг ломает
и куски бросает в пламя.
Вот он поднял ветры, бурю,
чтоб ему раздули пламя;
зашумели тотчас ветры
изо всех концов небесных,
дуют день, другой день дуют,
даже третий день бушуют;
из окошка пламя пышет,
из дверей сверкают искры,
к небу гарь столбом несется,
черный дым смешался с тучей.
Вот проходит день, и снова
заглянул кузнец в горнило,
видит — Сампо там возникло,
в горне крышка показалась.
И кузнец тот Илмаринен,
вековечный тот кователь,
стал ковать еще быстрее,
молотом стучать сильнее,
и кует искусно Сампо:
чтоб одною стороною
лишь муку оно мололо,
а другою стороною
только соль бы растирало,
третьей стороною своею
все чеканило бы деньги.
Вот уж выковано Сампо
с пестрой крышкою узорной,
замололо, зашумело
и покачивает крышкой;
на заре смололо меру
на потребу и на нужды,
а вторую — для продажи,
третью меру — для запаса.

Иллюстрация заслуженного деятеля искусств КАССР, заслуженного художника РСФСР Мюда МЕЧЕВА к новому изданию «Калевалы».